


ЛУЦИЙ АННЕЙ
СЕНЕКА
О БЛАГО-
ДЕЯНИЯХ




МОСКВА
2016

ГЛАВНЫЕ АФОРИЗМЫ ЭТОЙ КНИГИ


Среди наиболее распространенных и тяжких пороков чаще всего встречается неблагодарность.




Возвышенной и доброй душе свойственно искать не плодов благодеяний, но самих благодеяний, и среди плохих людей отыскивать хороших.



Тот, кто не возвращает благодеяния, согрешает более, чем не оказывающий его, однако этот согрешает прежде.



Чего никакая сила не может упразднить, то сделано надлежащим образом.



Остерегайся неблагодарности как самого тяжкого проступка и забывай ее как самый легкий, если она будет допущена по отношению к тебе.

ГЛАВНЫЕ АФОРИЗМЫ ЭТОЙ КНИГИ

*Будем оказывать благодеяние так,
как желали бы сами принимать его:
охотно, скоро и без всякого
колебания.*

*Поздно оказал благодеяние тот,
кто оказал его просящему.*

*То, что даешь, надобно сделать слаще,
чтобы получать было приятнее.*

*То не благодеяние,
о чем нельзя вспомнить без краски стыда.*

*Частое напоминание об услугах
терзает и угнетает душу.*

*Напоминание вызывает огорчение,
а упрек — ненависть.*

Об этой книге

Древнеримский философ, государственный деятель, оратор и драматург *Луций Анней Сенека*, известный также как Сенека Младший (4 до н. э. — 65 н. э.) был одной из центральных фигур интеллектуальной жизни Рима середины I в. н. э. и фактическим правителем империи в 54—62 гг. (в начале царствования императора Нерона).

Сенека был последователем стоицизма — без сомнения, самого возвышенного и величественного философского учения Античности, зародившегося в Древней Греции и унаследованного мыслителями Рима. Стоики полагали, что цель мышления в том, чтобы выработать линию поведения, которая основывалась бы на спокойствии ума и нравственной уверенности. Философские интересы стоиков: место человека в мире, природа и сущность закона, благотворность Провидения, Божественная разумность, — и их сосредоточенность на том, как понимание этих вещей помогает справиться с превратностями жизни, пришлось по душе практичным римлянам, и на заре империи философия стоицизма приобрела немалую популярность.

Сенека не считал себя ни ритором, ни ученым, зато он прямо сравнивал себя с врачом — целителем душ. Трактат «О благодеяниях» подробно рассматривает то, как совершать добро по отношению к людям и как правильно его принимать. Философ резко противопоставляет знание и мудрость: знание делает человека образованным, но не способно сделать его лучше, между тем как мудрость освобождает личность от обременительного груза страстей.

КНИГА ПЕРВАЯ

Среди многих и разнообразных заблуждений людей, живущих безрассудно и необдуманно, мне кажется, нет почти ничего более опасного, как то, что мы не умеем ни давать, ни принимать благодеяний. Благодеяния же, неправильно оказанные, обыкновенно плохо и принимаются, и если нам их не возвращают, то поздно жаловаться: мы потеряли их в тот самый момент, когда давали. И удивительно, что

•
*среди наиболее распространенных
и тяжелых пороков чаще всего
встречается неблагодарность.*
•

Это, очевидно, зависит от многих причин, и, во-первых,— от того, что мы не выбираем людей, которые были бы достойны благодеяния, но, имея в виду приобрести должников, тщательно собираем сведения относительно их родовых имений и движимого имущества. Мы не бросаем семян на истощенную и бесплодную почву, благодеяния же скорее безо всякого разбора разбрасываем, чем даем.

И нелегко сказать, что хуже: не сознавать благодеяния или требовать его обратно, ибо благодеяние есть долг такого рода, что из него следует возвращать только то, что охотно возвращается; тяготиться им весьма постыдно по той причине, что для оправдания доверия нужны не материальные средства, а душа. Благодеяние возвращает тот, кто охотно сознает его. Но если и лежит вина на тех, кто даже в сознании не воздает благодарности, то не безвинны и мы.

Много мы встречаем неблагодарных, но еще более сами делаемся такими. В одном случае мы бываем сурово требовательны и притязательны, в другом — легкомысленны и очень скоро раскаиваемся в своем благодеянии, в третьем — бываем сварливы и жалуемся, когда упускают малейшую возможность нам уплатить. Таким образом мы отравляем всякую благодарность не только после того, как оказали благодеяние, но и в тот самый момент, когда оказываем.

В самом деле, кто из нас бывал доволен, когда его просили недостаточно усердно или только однажды? Кто, замечая, что к нему хотят обратиться с просьбой, не нахмурил бровей, не отвращал лица, не притворялся занятым и длинными речами, намеренно бесконечными, не отклонял удобного для просьбы случая, не избегал, при помощи разнообразных хитростей, людей, прибежавших к нему со своими нуждами?

Будучи же застигнут в безвыходном положении, кто не старался оттянуть времени, давая этим осторожный отказ, или хотя и обещал, но через силу, нахмутив брови, сердито и едва выговаривая слова?

Но ведь никто охотно не признает себя должником в том случае, когда он не получил, а вынудил. Может ли кто быть благодарен тому человеку, который гордо бросил благодеяние, с гневом выкинул его или оказал его уже после того, как утомился, с тем только, чтобы избежать хлопот?

Благодеяние принимается с таким же чувством, с каким оказывается; посему не следует оказывать его с пренебрежением. Ведь каждый бывает обязан только самому себе тем, что он получил от другого как бы без его ведома.

Не следует быть и медленным, ибо кто медленно делал, тот, очевидно, долго не имел охоты делать, а во всяком деле доро-

го ценится охота. В особенности же благодеяние не должно быть оскорбительным. В самом деле, если природа устроила так, что обиды оставляют более глубокий след, чем благодеяния, и последние скоро исчезают из памяти, тогда как первые надолго в ней остаются, то чего ждать тому, кто, оказывая благодеяние, причиняет обиду? Подобному человеку достойную благодарность воздает тот, кто забывает его благодеяние. Не должна охлаждать в нас усердия к благотворительности и масса людей неблагодарных...

Сколько людей, не достойных света — однако день настает; сколько жалуются на то, что они родились, однако природа производит новые поколения и терпит существование тех, которые сами лучше бы желали вовсе не жить!

•
*Возвышенной и доброй
душе свойственно искать
не плодов благодеяний,
но самих благодеяний,
и среди плохих людей
отыскивать хороших.*
•

Какое было бы величие в том, чтобы приносить пользу многим, если бы никто не обманывал? Добродетель в данном случае заключается в оказании благодеяний безо всякого расчета на их обратное возвращение. Плоды благодеяний пожинаяются благородным человеком немедленно.

Неблагодарность не должна смущать нас и поселять апатию к столь прекрасному делу, так что, если бы у меня даже совсем была отнята надежда найти благодарного человека, то и в таком случае я предпочел бы лучше не получать благодеяний обратно, чем не оказывать их. Ибо кто не оказывает

благодеей, тот предваряет проступок неблагодарного. Выскажу свою мысль:

•
*тот, кто не возвращает
благодеей, согрешает более,
чем не оказывающий его,
однако этот согрешает прежде.*
•

Ни одно благодеяние не пропадает, так как тот, кто теряет его, очевидно, рассчитывал заранее на прибыль.

Смысл благодеяний прост: их только дарят; если что возвращается, то уже прибыль, не возвращается — нет убытка. Благодеяние оказано для благодеяния. Никто не записывает благодеяний в долговую книгу и не напоминает о них каждый день и час подобно жадному заимодавцу. Добрый человек никогда и не думает о них, если не напомним лицо, возвращающее долг. В противном случае благодеяние принимает вид ссуды. Записывать благодеяния в расход — постыдное ростовщичество.

Что бы ни случилось с первыми твоими дарами — продолжай раздавать их; лучше, если они будут находиться у людей неблагодарных, которых со временем стыд, или какая-нибудь случайность, или подражание могут сделать благодарными. Не отступай: продолжай свое дело и стремись к жребию мужа добродетельного. Подавай помощь: кому средствами, кому кредитом, кому расположением, кому советом, кому полезными наставлениями.

Звери и те сознают за собою обязанности. Нет ни одного дикого животного, которого бы нельзя было приручить и привязать к себе посредством заботливого ухода. Так укротители безнаказанно касаются пасти львов; диких слонов, при помо-

щи корма, приручают до такой степени, что они послушно исполняют работу¹. Таким образом, постоянные благодеяния покоряют даже существ, лишенных разума и способности оценить их. С неблагодарностью отнеслись к твоему первому благодеянию? Ко второму уже так не отнесутся. Забыли о том и о другом? Третье приведет на память и забытые!

* * *

Благодеяния теряет тот, кто скоро приходит к убеждению, что их потерял. Но кто сохраняет постоянство и прежние благодеяния умножает новыми, тот исторгает благодарность даже из жесткого и неблагодарного сердца. Неблагодарный на многое не посмеет поднять очей. Куда бы он ни обратился, убегая от своей совести, пусть всюду видит тебя. Свяжи его узами своих благодеяний!

Теперь я обращусь к рассмотрению сущности и свойств благодеяний, если ты позволишь мне предварительно, вкратце упомянуть о том, что не имеет прямого отношения к делу. Почему граций три, почему они между собою сестры, для чего они сплелись руками, для чего улыбаются, для чего они изображаются девы и одеты в просторную и прозрачную одежду?

Некоторые утверждают, что одна из них изображает дающую благодеяние, другая принимающую, третья возвращающую обратно. Иные видят в них олицетворение трех родов благодеяний: дарования, возвращения, дарования и возвращения вместе.

Но признаешь ли ты верным то или другое объяснение — какая нам будет польза от этого знания? Что означает хоро-вод граций, сплетшихся руками и обращенных лицами одна

¹ Согласно Плинию, пойманных слонов обыкновенно укрощали голодом, и слоны привязывались к тем, кто после подавал им пищу.

к другой? То, что благодеяния, переходя в последовательном порядке из рук в руки, тем не менее, в конце концов снова возвращаются к дающему их. Порядок этот совершенно разрушается, как только бывает нарушен, и, наоборот, принимает в высшей степени прекрасный вид, когда бывает сохранен и удержана в нем последовательность.

Грации улыбаются: это по той причине, что лица тех, которые дают или принимают благодеяния, бывают обыкновенно радостны. Они — юны, ибо воспоминание о благодеяниях не должно стареть. Они девы, ибо благодеяния непорочны, чисты и святы для всех. В благодеяниях ничего не должно быть невольного, связанного или принужденного — вот почему грации одеты в просторные туники, и притом в прозрачные, ибо благодеяния требуют того, чтобы их видели.

* * *

Здесь следует говорить о благодеяниях и подвергнуть систематическому обсуждению то действие, которое служит главнейшим связующим звеном для человеческого общества. Надлежит дать норму жизни, дабы под видом щедрости не пленяло нас необдуманное легкомыслие и дабы с другой стороны это самое обсуждение, умеряя, не останавливало благотворительности, которая не должна ни совершенно отсутствовать, ни впадать в излишество.

Следует учить людей с охотою получать, с охотою возвращать и ставить для себя важной задачей — не только сравниваться делами и душевным расположением с теми, кому они обязаны, но и превосходить их, потому что тот, на ком лежит обязанность воздать благодарность, никогда не сквитается со своим благодетелем, если не превзойдет его. Одним следует внушать, чтобы они были чужды всяких расчетов, другим, чтобы считали за собою более долгов.

<...>

Ты преподай мне какое-нибудь из таких наставлений, узнав которые я стал бы более благодетельным и более благодарным в отношении к тем, кто мне оказывает благодеяния, — из-за которых благодетели и облагодетельствованные вступали бы между собою в духовное состязание, — так чтобы оказавшие благодеяния забывали, а должники сохраняли живое воспоминание. Все же выдумки, о которых было говорено выше, пусть остаются на долю поэтов, назначение которых в том и состоит, чтобы услаждать слух и сплетать интересные басни.

Напротив — те, кто желает врачевать умы, поддерживать доверие в отношениях людей и утверждать в душе их сознание долга, пусть говорят языком серьезным и берутся за дело с большими силами, если только не считают возможным при помощи пустых и вздорных речей и бабьих аргументов пресечь такое опаснейшее зло, как полное забвение благодеяний.

* * *

Насколько необходимо обойти всё излишнее, настолько же необходимо доказать, что нам прежде всего надлежит исследовать, в чем состоит наш долг при получении благодеяния. Ибо один утверждает, что его долг состоит в тех деньгах, которые он получил, другой, что его долг состоит в совете, третий — в должности, четвертый — в управлении провинцией.

Но все это — только знаки благодеяний, а не самые благодеяния. Благодеяние нельзя осязать рукою: оно заключается в душе. Существует большая разница между материею благодеяния и самим благодеянием. Посему благодеяние заключается не в золоте, не в серебре и не в каком-либо другом из предметов, сльвущих весьма ценными, но в самом рас-

положении дающего. Люди неопытные обращают внимание только на то, что бросается в глаза, что дается и становится предметом обладания, и, напротив, мало ценят то, что на самом деле дорого и ценно.

Всё, чем мы владеем, что мы видим и к чему прилепляется наша похоть,— преходяще; судьба или неправда могут у нас отнять это: благодеяние же продолжает пребывать и после утраты того предмета, чрез посредство которого оно было оказано.

•
*Чего никакая сила не может
упразднить, то сделано
надлежащим образом.*
•

Таким образом, все, ложно усвояющее себе имя благодеяния, служит лишь вспомогательным средством, при помощи которого проявляется дружественное расположение. То же бывает и в других случаях, где различается внешний вид и самая сущность дела. Император жалует кого-нибудь ожерельями и венками, которые даются за вступление на стену неприятельского города или за спасение жизни гражданина.

Что такого ценного заключают в себе: венок, расшитая тога, ликторские связки, трибунал или колесница? В них заключается не самая почесть, а только внешние знаки почестей. Подобным образом и то, что представляется нашим взорам, не само благодеяние, но лишь след и знак благодеяния.

* * *

Итак, что же такое благодеяние само по себе? Действие, которое приносит радость как другим, так и тому, кто его

совершает, действие, совершаемое с готовностью, охотно и по собственной доброй воле.

По сей причине важно не то, что делают или что дают, но то, с каким расположением духа это совершают, ибо в этом-то расположении лица, дающего или делающего, и состоит самое благодеяние, а не в том, что дают или делают.

Большую разницу между тем и другим можно видеть уже из того, что благодеяние всегда остается благом, тогда как то, что делается или подается, — не благо и не зло. Дух возвышает малое, очищает нечистое и лишает цены великое и слышшее ценным; само же по себе то, к чему стремятся, не имеет никакой природы: ни доброй, ни злой; важно то направление, какое дает ему виновник действия, от которого зависит назначение предметов.

Самое благодеяние состоит не в том, что составляет предмет исчисления и раздачи, подобно тому, как не в самих жертвах состоит почитание богов, хотя бы они были тучны и блестяли золотом, но в благочестивом и непорочном настроении духа молящихся. Таким образом, люди добродетельные бывают благочестивыми даже и в том случае, когда их приношение состоит из одних зерен и похлебки, а злые, наоборот, не оставляют нечестия, хотя бы и обильно орошали кровью алтари.

* * *

Если бы благодеяния заключались в предметах, а не в самом расположении души того человека, который их оказывает, то они становились бы для нас тем важнее, чем важнее то, что мы получаем. Но это ложно: нас всегда наиболее одолжает тот, кто малое дал великолепным образом, кто душою срав-

нялся с богатством царей, кто дал немного, но охотно, кто, увидав мою бедность, забыл о своей, кто возымел не только охоту, но даже и горячее желание оказать мне помощь, кто счел себя облагодетельствованным, когда оказывал благодеяние, кто дал так, как бы и не думал о возвращении и, получив обратно,— как бы и не давал, кто нашел и стремился найти удобный случай для помощи.

Напротив, с неблагодарностью относятся к тому, что, как я сказал, насильно вымогается или случайно перепадает от дающего, хотя бы это казалось по содержанию и по внешнему виду великим.

С гораздо большей благодарностью принимают то, что подается ласковой, чем то, что подается полной рукой. Один мне дал немного, но больше он и не мог! А другой дал и много, но зато колебался, медлил, давая, вздыхал, подал гордо, выставил это напоказ и желал угодить вовсе не тому, кому давал: давал он для своего честолюбия, а не для меня.

* * *

Когда многие приносили Сократу большое вознаграждение, каждый сообразно со своими средствами,— Эсхин, его бедный ученик, сказал: «Я ничего не нахожу достойного тебя, что мог бы тебе дать, и в этом одном отношении сознаю себя бедняком. Посему вручаю тебе одно, что имею: себя самого. Прошу тебя благосклонно принять этот дар, каков бы он ни был, и подумать, что ведь другие хотя и давали тебе много, но еще более оставляли себе». Сократ на это отвечал:

«Разве ты не сделал мне дорогого подарка,— если только сам не ценишь себя низко? Посему я позабочусь о том, чтобы возратить тебя самому тебе лучшим, чем взял». Этим приношением Эсхин превзошел и самого Алкивиада, духовные

богатства которого равнялись материальным, и всю щедрость богатых юношей¹.

* * *

Видишь, как дух находит средства для благотворительности, даже находясь среди затруднительных обстоятельств? На мой взгляд, Эсхин своими словами выразил такую мысль: «Ничего ты не достигла, судьба, пожелав, чтобы я был беден: несмотря ни на что, у меня найдется наготове подарок, достойный этого мужа, и, не имея возможности принести ему что-нибудь из твоего, — я дам свое». Не думай, чтобы он ценил себя дешево: самого себя он сделал уплатою за себя же. Талантливый юноша нашел способ, как завладеть Сократом. Надо обращать внимание не на то, что именно и какой ценности дается, но на то — кем.

Человек хитрый легко открывает доступ к себе людям с неумеренными желаниями и на словах ободряет смелые надежды, не имея никакого намерения помочь на деле... Но еще хуже, на мой взгляд, тот, кто с грубой речью, суровым лицом и недобрыми намерениями показывает свое богатство. Счастливица чтут и проклинают, а сами, питая ненависть к человеку, поступающему таким образом, думают делать то же, как скоро приобретут возможность...

<...>

Некоторые, обесчестив чужих жен, и притом не тайно, а открыто, своих собственных передали другим. Кто запретил своей жене выставляться напоказ в паланкине и быть носимою на виду зрителей, будучи открытой со всех сторон, того считают грубым, бесчеловечным и злонравным, а среди дам тот слывет худой партией.

¹ Ср. Диоген Лаэртский (II, 34).